

ФРАНЦУЗСКИЙ ПИСАТЕЛЬ О ТУРГЕНЕВЕ

ВОСПОМИНАНИЯ ЖЮЛЯ КЛАРТИ

Публикация В. И. Мозалевского

Среди писем Тургенева к французским литераторам и друзьям, заботливо собранных И. Гальпериным-Каминским, мы находим следующее письмо, адресованное писателю Жюлю Кларти (1840—1913) от 4 мая 1875 г.:

Милостивый государь,

Я только недавно узнал от г. Луи Депре, что вы оказали мне честь посетить меня; привратник никогда не передавал мне вашей карточки. Я очень об этом сожалею и прошу извинить за то, что вы могли счесть невежливостью. Я был бы счастлив лично познакомиться с таким выдающимся писателем, как вы, милостивый государь, и не хочу терять надежды, что это когда-нибудь осуществится.

А пока позвольте предложить вам прилагаемый том *, который только что вышел, и верьте в чувство высокого к вам уважения, с которым имею честь быть вашим покорным слугой.

Ив. Тургенев

Человек, которого Тургенев назвал в своем письме «выдающимся писателем», почти неизвестен современному советскому читателю. Между тем, у себя на родине Жюль Кларти пользовался большой и почетной известностью. Всю свою долгую и деятельную жизнь он отдал литературе. Плодовитый беллетрист, историк и драматург, он написал несколько десятков романов, пьес, исторических и историко-литературных исследований; более четверти века (1885—1913) он занимал пост директора старейшего французского театра «Comédie Française». В 1888 г. он был избран членом Французской Академии. Один лишь перечень его книг, изданных во Франции, занимает в печатном каталоге парижской Национальной библиотеки свыше тридцати страниц в две колонки. Некоторые из его романов выдержали подряд больше пятидесяти изданий.

С юных лет до глубокой старости Кларти с неослабевающим увлечением и энергией занимался журналистской деятельностью. Им напечатано во французских газетах и журналах бесчисленное множество фельетонов, очерков, хроник парижской жизни и пр. «Перо журналиста могуче, как всякая другая власть», — говорил Кларти, имея в виду право активно вмешиваться в общественную жизнь страны, право судить и спорить, отстаивать свободу и защищать справедливость.

* «Жюль Кларти полагает, — поясняет Гальперин-Каминский, — что упоминаемая книга — роман „Дым“, однако французский перевод этого произведения был напечатан в 1868 г., а Тургенев говорит о только что вышедшем томе. Должно быть, речь идет о томе рассказов, ибо последний роман, появившийся на французском языке до того как было написано это письмо, — „Вешние воды“, — вышел в свет в 1871 году» (Н.-К., р. 290). Вероятнее всего, что Тургенев послал Жюлю Кларти сборник «Et-ranges histoires», третье издание которого вышло в свет в 1874 г.

Во время Третьей империи Кларти за свою журналистскую деятельность подвергался полицейским преследованиям, что, конечно, содействовало увеличению его популярности у прогрессивно настроенных читателей, хотя революционером он не был и никогда не выходил за пределы умеренного либерализма.

Кларти обладал широким кругом знакомств, особенно в литературной и артистической среде. В числе его знакомых мы находим, в частности, Герцена и Тургенева.

Волнующие воспоминания Кларти о Герцене обнаружены Л. Р. Ланским в малоизвестной парижской газете «*La Cloche*» от 29 января 1870 г. (напечатаны в переводе — «Новый мир», 1959, № 6, стр. 275—278). Кларти видел в Герцене гениального мыслителя, сына великого народа, пламенного революционера, провозвестника грядущей русской революции. В свою очередь, и Герцен тепло относился к Жюлю Кларти и считал его «очень милым и дельным человеком» и весьма высоко ценил его книгу о героях французской революции конца XVIII в. — «*Les derniers Montagnards*» (Герцен АН, т. XXX, кн. 1, стр. 167 и 216). В октябре 1869 г. Герцен подарил Кларти свою брошюру о Гарибальди «*Camille Rossa*» с надписью, свидетельствующей о его глубокой симпатии к французскому писателю.

В своих воспоминаниях о Герцене Кларти привел его довольно резкое высказывание о Тургеневе, как о человеке, «ни во что не верящем и считающем глупцами всех, кто предан идее». «Несравненным талантом» Тургенева Герцен, впрочем, как замечает Кларти, не переставал восхищаться.

В течение нескольких лет Кларти помещал (дважды в неделю) в распространенной французской газете «*Temps*» фельетоны, представлявшие собой подробную хронику парижской жизни, предлагая читателям «слушать биенье сердца Франции — Парижа». В конце каждого года Кларти выпускал эти фельетоны особыми сборниками под названием «Жизнь в Париже. 18...». В одном из таких сборников «*La vie à Paris. 1883*» нам удалось обнаружить не отмеченную библиографами краткую некрологическую заметку о Тургеневе, появившуюся в составе очередного фельетона Кларти в 1883 г., вскоре после смерти писателя.

Первая встреча Кларти с Тургеневым состоялась, по-видимому, около 1866 г. в Баден-Бадене (Кларти указывает, что Тургеневу в это время было не более сорока восьми лет). Он был представлен «великому русскому романисту» французским литератором Луи Дебре. Впоследствии Тургенев, вероятно, совершенно забыл об этом случайном знакомстве, так как через девять лет, в приведенном выше письме от 4 мая 1875 г., он упоминает о своем желании познакомиться с Кларти. Особой близости между Тургеневым и Кларти, впрочем, не было и в дальнейшем. Судя по воспоминаниям Кларти, встречи их были случайны и редки.

Несколько упоминаний о Кларти встречается в письмах Тургенева. В письме к Анненкову от 12/24 января 1876 г. содержится краткий отзыв о двух книгах Кларти по истории французской революции XVIII в. — «*Camille Desmoulins, Lucile Desmoulins. Etude sur les Dantonistes*». Paris, 1875 и «*Les derniers Montagnards*». Paris, 1875. Имея в виду первую из них, Тургенев писал об ее авторе: «Очень у него фельетонный слог и таковые же замашки. Но есть интересные документы». Еще раз Тургенев упоминает Кларти в письме к Флоберу от 26 декабря 1878/7 января 1879 г. в связи с полемикой по поводу «Парижских писем» Золя, разгоревшейся тогда во французской печати.

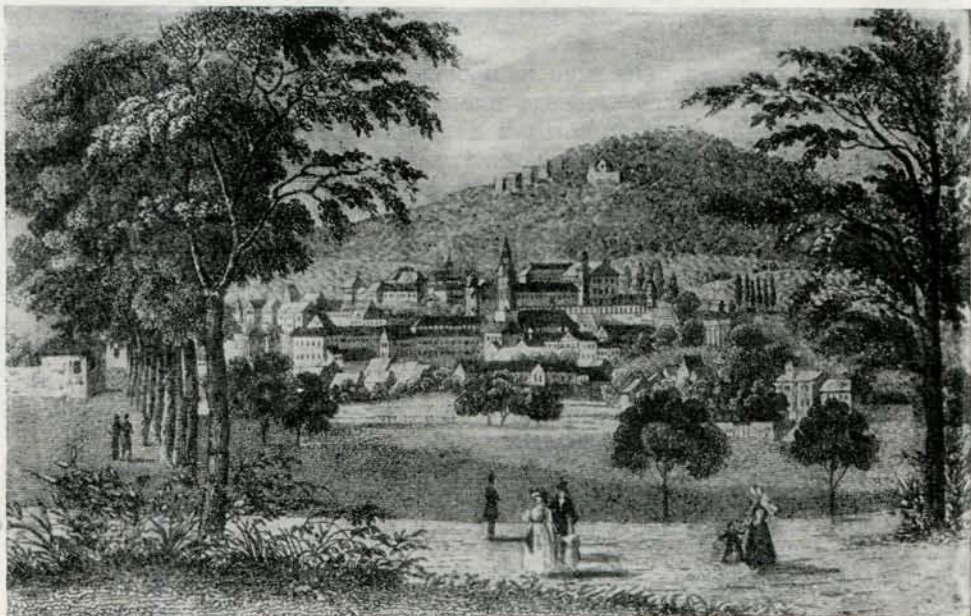
Небольшая некрологическая заметка Кларти представляет несомненный интерес как свидетельство глубокого восхищения французских литературных кругов реалистическим творчеством Тургенева и его обаятельной личностью*.

Воспоминания Кларти печатаются по тексту книги: Jules Claretie. *La vie à Paris. 1883. Deuxième édition.* Paris, s. a., p. 330—334.

* Отметим, что Кларти помогал Гальперину-Каминскому собирать адресованные французским литераторам письма Тургенева, вошедшие в состав известного сборника Гальперина-Каминского (Н.-К.).

ИЗ КНИГИ «ЖИЗНЬ ПАРИЖА В 1883 ГОДУ»*

...Жестокий вихрь, о котором говорит магометанское пророчество, умчал еще одну великую душу. В возрасте шестидесяти шести лет скончался Иван Сергеевич Тургенев, но поверженное дерево по-прежнему гордо вздымает свою главу. Я и сейчас живо представляю себе этого изумительно, красивого и сильного человека с бородой, показавшейся мне

БАДЕН-БАДЕН

Гравюра, 1850-е годы

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

совсем белой или сильно поседевшей, а между тем, когда я его впервые увидел, ему было не более 48 лет. Произошло это в Бадене, где великому русскому романисту представил нас наш друг и весельчак из «Это жизнь» — Луи Депре, написавший о Тургеневе, равно как о Диккенсе и Лонгфелло, несколько изящных страниц¹. Мы питали глубокое уважение к автору «Отцов и детей», которого в ту пору во Франции, за исключением немногих любителей изящного, никто не знал². Он обычно проводил лето в Баден-Бадене в обществе Виардо и Максима Дюкана³. Я и сейчас вижу его гуляющим по аллеям Лихтеншталя, высокого, статного, со спокойным, бесстрастным, но вместе с тем обаятельным лицом симпатичного олимпийца. Как далеко все это! Нам случалось видеть Тургенева на прогулках почти рядом с прусским королем, но наибольшее внимание баденцев привлекал к себе отнюдь не будущий германский император. Целый мир лег между этими событиями и данной минутой, когда я пишу о них.

Ивану Тургеневу выпало на долю познакомить Россию с любимой им французской литературой, во всяком случае с известной ее частью, а Францию с Тургеневым познакомил Проспер [Мериме]⁴.

По остроумному замечанию одного ученого и большого ума человека, «для Проспера в старости Тургенев был» тем же, чем Стендаль — в

* Перевод с французского В. И. Мозалевского.

молодости». То восхищение, которое в 1833 году вызывал у Мериме автор «Красного и черного», в 1863 году он перенес на автора «Отцов и детей». Ему нравился этот «утонченный, изысканный наблюдатель», как он называл Тургенева, и он от всего сердца хвалил правдивость, колоритность, наивное изящество, выразительность и поэтичность живописца русских нравов. Впрочем, в Тургеневе он любил не только писателя, но и человека. Мериме бывал откровенен с Тургеневым, например, рассказывая ему однажды о той, которую впоследствии знали и узнавали под псевдонимом «Незнакомки», он заметил: «Я слышу скептиком, а я сентиментален, как швабские поэты».

Нескрываемое пренебрежение и презрение Тургенева ко всякой пошлости должно было в свою очередь пленять этого всепрезирающего скептика. Так, мы видим, что в «Отцах и детях», где русский романист сопоставил два поколения, он не польстил ни детям, ни отцам, высмеяв и состарившихся уже начетчиков-гегельянцев и юных выучеников Шопенгауэра.

Именно в этом произведении для изображения позитивиста и пессимиста Базарова Тургенев и придумал название «нигилист», которым позднее будут гордиться и которое присвоит себе те, кого он выведет в одной из своих последних книг — романе «Новь».

— Порядочный химик в двадцать раз полезнее всякого поэта, — такова одна из аксиом Базарова. А на вопрос, что же, и искусство кажется ему предметом, не имеющим никакой ценности, он с презрительной усмешкой отвечает:

— Искусство наживать деньги, или нет более мозолей! * В теперешнее время, — добавляет он, — полезнее всего отрицание — мы отрицаем.

— Всё?

— Всё...

— И это называется нигилизмом?

— И это называется нигилизмом, — вызывающим тоном повторяет Базаров ⁵.

Вскоре по выходе в свет этой книги на мою долю выпало большое счастье встретиться с одним из интереснейших людей того времени Александром Герценом, жившим вдали от России и не по доброй воле, а в изгнании ⁶. Герцен, чье энергичное лицо, озаренное блеском изумительных черных глаз, я все еще вижу перед собою, не прощал Тургеневу того, что он применял эпитет «нигилист» к известной части русской молодежи.

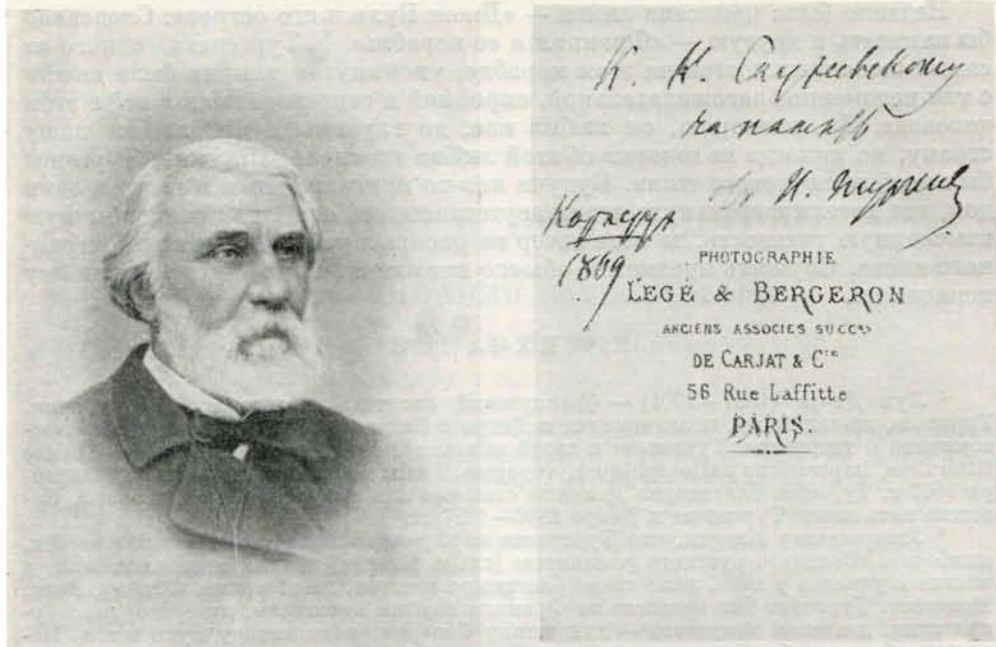
Будучи сам человеком действия, он строго осудил позицию Тургенева, на которого смотрел только как на просвещенного дилетанта.

— Пристало ли ему, — говорил он, — окрещивать других нигилистами, это ему-то, кто сам почти во всем проявляет себя атеистом и ни во что не верит?

Впрочем, я точно не помню, относятся ли приведенные слова патриота Герцена к тому времени, когда Тургенев уже окончательно подвел итоги своим жизненным впечатлениям в удивительной книге, исполненной покорности судьбе и печали, названной им «Дымом».

«Дым!» — Таково было последнее слово и кредо этого могучего ума. И все же Тургенев верил в свободу, и русская молодежь в этом нисколько не сомневалась. Она приветствовала его всякий раз, когда он приезжал в Россию. Его последняя поездка превратилась в сплошную овацию ⁷. Студенты всех университетов в полном составе выходили встречать его. Что ни станция, то триумф. А он, с присущей ему скромностью, только удивлялся происходившему. Однако ни для кого, кроме него, в этом не было ничего неожиданного.

* В подлиннике у Тургенева: ...или нет более геморроя. — Ред.

ТУРГЕНЕВ

Фотография Леже и Бержерона. Париж, 1869. С дарственной надписью на обороте:

«К. К. Случевскому на память от И. Тургенева. Карлсруэ, 1869»

Литературный музей, Москва

И пусть он не звонил в колокол «с того берега», как говорил Герцен, но ведь еще не забылось, что в молодости он также ставил на карту покой своего существования, при чем не публикацией «Записок охотника», как об этом в свое время прошел слух, все еще повторяемый в печати, а хвалой умершему Гоголю. Но, разумеется, «Записки охотника» должны были привлечь внимание властей к тяжелым условиям существования рабов, влачивших в своих избах жалкую, монотонную, тягостную жизнь, которая скрашивалась часто лишь единственным утешением, какое приносит квас.

В этой мастерски написанной книге наряду с величественными незабываемо грустными пейзажами, наряду с древними лесными и степными поверьями встречаются взятые из жизни, самобытные и до глубины души трогательные сцены. Провинциальная знать изображена здесь бок о бок с сельской беднотой, и сердце охватывает жалость при виде того, как, распростершись на печи, безмолвно умирают эти рабы в затхлом, удушливом от чада воздухе.

Россия Ивана Тургенева напоминает «хрустальную деву», воспетую князем Элимом Мецкерским, поэтом «Черных роз»⁸, но деву бледную, печальную, влачащую по снегу зеленые ветви, словно дровосек Лафонтена⁹.

Тургенев глубоко любил Россию, что вполне естественно. Но он глубоко любил также и Францию. Однако, по замечанию Шарля Эдмона¹⁰, этого француза из французов, и у Тургенева появлялась иногда та полуулыбка, с которой иностранцы смотрят на Францию, будучи склонны видеть в ней скорее милую любовницу, чем уважаемую подругу жизни. У каждого, даже самого лучшего из них, порой появляется такая улыбка. Ah! *povera Gallia!* *, как ты одинока!

* бедная Галлия (лат.).

Недавно была написана книга — «Джон Буль и его остров». Следовало бы написать и другую — «Франция и ее корабль». У Тургенева, одного из самых желанных гостей на этом корабле, упомянутая улыбка была вместе с тем неизменно благожелательной, скромной и серьезной, как и всё в этом человеке. Да, повторяю, он любил нас, до глубины души любил нашу страну, но никогда не говорил об этой любви ни слова. Впрочем, Тургенев был вообще несловохотлив. Будучи как-то приглашенным в гости в один дом, где хотели поцеловать его присутствием, он, сохраняя свою обычную изысканную учтивость, за весь вечер не раскрыл рта и не произнес ни единого слова. Служить предметом общего внимания, по-видимому, было ему ненавистно.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Луи Дёпре (1837—1901) — французский писатель и литературный критик. Тургенев, по-видимому, познакомился с Дёпре в Бадене в 1867 г. Дёпре писал восторженно о творчестве Тургенева в своей книге: «Le va-et-vient. 1-ère série. Notices littéraires, impressions philosophiques, voyages». Paris, 1866. В письме от 6/18 сентября 1867 г. Тургенев благодарил Дёпре за статью о нем в журнале «Le Charivari». Известно пять писем Тургенева к Дёпре 1866—1877 гг.

² Утверждение Кларти, что Тургенева во Франции мало кто знал, разумеется, ошибочно. «Великого русского романиста» (слова Кларти) знали, ценили, любили, а иногда и учились у него, даже такие блестящие мастера, как Мериме, Флобер, Золя, Мопассан. Тургенев был известен во Франции многим писателям, литераторам, журналистам, деятелям искусства — художнику Гаварни, композитору Гуно и т. д. Мопассан обращался к Тургеневу: «Дорогой учитель». «Долгое время, — пишет Додэ в своей статье о Тургеневе в книге «Париж за 30 лет» (Париж, 1888), — Тургенев восседал на моем Олимпе на троне из слоновой кости в окружении других моих богов».

³ Максим Дюкан (1822—1894) — французский писатель и журналист. Дюкан первый ввел Тургенева в общество французских писателей романтической школы. Имевший большой успех во Франции роман Дюкана «Утраченные силы» (1867) был переведен на русский язык и издан в России Е. Н. Ахматовой с предисловием Тургенева (XI, 343—348). Об их взаимоотношениях — см. «Лит. наследство», т. 31-32, 1937, стр. 663—676.

Летние месяцы Тургенев проводил в Баден-Бадене с 1863 до 1872 г.

⁴ Личная дружба и литературные связи Тургенева и Мериме общеизвестны. Еще не познакомившись с Тургеневым, Мериме пишет в «Revue des Deux Mondes» (1 июля 1854 г.) восторженную статью о вышедших во французском переводе «Записках охотника». Первая встреча Тургенева с Мериме состоялась в 1858 г. в Лондоне. См. М. К. Клеман. И. С. Тургенев и Проспер Мериме. — «Лит. наследство», т. 31-32, стр. 707—752.

⁵ Здесь Кларти соединяет цитаты из разных мест гл. VI и X романа «Отцы и дети».

⁶ Об отношениях Герцена с Кларти см. в предисловии к нашей публикации.

⁷ Кларти ошибся: «поездка, превратившаяся в овацию» была в 1879 г., после чего Тургенев еще приезжал в Россию в 1880 и 1881 гг.

⁸ Князь Элим Петрович Мещерский (1808—1844) — русский поэт, писавший преимущественно на французском языке. Служил при русском посольстве в Париже. Им были написаны очерки «De la littérature russe» (Marseille, 1830), «Les Boréales» (1839); сделаны переводы на французский язык русских поэтов: Пушкина, Жуковского, Баратынского и др. Упоминаемая здесь Кларти книга «Les Roses noires» издана посмертно в 1845 г. с опубликованием письма В. Гюго, написанного им 11 ноября 1844 г., но прозвучавшего как некролог. Об Элиме Мещерском см. статью А. Мазона — «Князь Элим» (пер. П. Перцова) — «Лит. наследство», т. 31-32, стр. 373—490.

⁹ Речь идет о басне Лафонтена «Дровосек».

¹⁰ Шарль Эдмон (псевдоним, настоящая фамилия Хоецкий; 1822—1899) — французский писатель и журналист, поляк по происхождению, политический эмигрант; выехал из Польши в 1844 г. Принимал участие в революции 1848 года, был ранен в уличных боях на баррикадах в Париже. Сотрудничал в журнале Прудона «Peuple» и в издаваемом А. Мицкевичем «Tribune des peuples». Тургенев познакомился с Эдмоном в 40-х годах, в 1843 г. они встречались в Берлине, где слушали курс лекций Шеллинга. Эдмон познакомил Тургенева с братьями Гонкур, Сент-Бёвом, Теофилом Готье. Свою книгу «Париж в 1883 году» Кларти посвящает «дорожному другу Шарлю Эдмону». О встречах Герцена с Эдмоном и об их литературном сотрудничестве см. «Лит. наследство», т. 64, «Герцен в заграничных коллекциях», 1958, стр. 439—440 и др.